

Я уже упоминал, что Кардинал любил одни только стихи. Однажды, находясь вдвоем с Демаре, которого ввел к нему Ботрю, он спросил у него: «Как вы думаете, что доставляет мне наибольшее удовольствие?». — «Печься о благе Франции», — ответил Демаре. «Отнюдь», — отпарировал Кардинал, — сочинять стихи». Он бешено завидовал успеху «Сидя» по той причине, что его пьесы Пяти Авторов⁵⁸ имели не слишком большой успех. В пьесах он писал только отдельные тирады; но когда он работал, то никого не принимал. Кардинал не терпел, чтобы его исправляли. Однажды л'Этуаль, менее снисходительный, нежели остальные, заметил как только мог мягче, что в одном из стихов надо кое-что переделать. В стихе этом было всего-навсего три лишних слога. «Полегче, господин де л'Этуаль, — сказал ему Ришелье, словно речь шла о каком-нибудь Указе, — пропустим его и так».

Однажды он набросал план театральной пьесы со всеми мыслями, которые желал бы развить в ней; он дал ее Буароберу в присутствии г-жи д'Эгийон, которая, выйдя вслед за Буаробером, попросила его, чтобы он как-нибудь помешал появлению этой пьесы, ибо нелепее ничего нельзя было себе представить. Несколько дней спустя, чтобы выполнить эту просьбу, Буаробер в разговоре начал искать какую-нибудь лазейку. Кардинал смекнул, в чем дело, и приказал: «Принесите кафедру для дю Буа (я потом скажу, почему он так его называл), он собирается читать проповедь». Впоследствии г-н Шаплен по распоряжению Кардинала внес в план пьесы кое-какие исправления; все они были крайне безобидны. Его Высокопреосвященство разорвал пьесу, затем склеил обрывки (причем все это ночью, лежа в постели) и наконец решил о ней более не упоминать.

У него был довольно дурной вкус. Известно, что он несколько раз кряду заставлял играть для себя глупейшую пьесу в прозе, написанную Ла-Серром. Называлась она «Томас Мор». В одной из сцен Авна Болейн говорит Генриху VIII в ответ на обещание Короля вступить с нею в брак: «Государь, нынче даже маленькие девочки смеются над обещанием жениться». В другой сцене, поучительно рассуждая о бренности всего человеческого, она говорит Королю, что королевский трон — это трон из соломы. «Стало быть, — отвечает Король, — он из бриллиантовых соломинок». «Соломинкой» в бриллиантах называется пятнышко, которое считается изъяном.

К литераторам Кардинал обычно относился весьма учтиво. Он ни за что не желал в присутствии Гомбо сидеть в шляпе, потому что тот упорно оставался перед ним с непокрытой головой; положив свою шляпу на стол, Ришелье однажды сказал: «Мы только будем стеснять друг друга». Судите, однако, согласуется ли это с нижеследующим: он сел и заставил Гомбо читать комедию стоя, невзирая на то, что свеча, горящая на столе (ибо дело происходило ночью), стояла слишком низко. Вот что значит